

Нижегородская либеральная оппозиция накануне Февральской революции 1917 г.

Владимир Сапон

Liberal opposition in Nizhny Novgorod on the eve of the February Revolution of 1917

*Vladimir Sapon (Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University
(Minin University), Russia)*

Изучение движущих сил революционных событий февраля–марта 1917 г. в центре и на местах всегда шло непросто. Долгое время победа революции трактовалась как результат энергичной деятельности большевистской партии, которая повела за собой на штурм самодержавия наиболее сознательные слои пролетариата, а влияние иных политических организаций всячески умалялось. Утверждалось, например, что «революционный переворот в Нижнем был совершён рабочими Сормова и Канавина, во главе которых стояли большевики», и лишь после свержения самодержавия «меньшевики, эсеры, “народные” социалисты, анархисты выползли из своих убежищ, в которых они отсиживались при царизме, и стали уверять рабочих, что именно они-то и есть истинные и доподлинные революционеры», а местная буржуазия якобы и вовсе «пробралась к власти в силу “богатства, организации и знания”»¹. Это описание типично для публикаций советского периода², хотя даже из них порой следовало, что партия большевиков, ослабленная систематическими репрессиями, была не в состоянии организовать столь грандиозную акцию³.

В постсоветский период фокус внимания исследователей оказался перенесён с большевиков на ранее игнорируемые политические организации и общественные структуры. Особую популярность приобрела теория «заговора элит»⁴. Однако активность противников самодержавия рассматривается по большей части применительно к Петрограду и Москве. Значительно

© 2017 г. В.П. Сапон

¹ Маслов К.П. Из истории борьбы рабочего класса за власть Советов и её упрочение. «Красное Сормово» на великом рубеже. Горький, 1964. С. 81–83.

² См., например: Победа Октябрьской социалистической революции в Нижегородской губернии. Сборник документов. Горький, 1957. С. 10–11; Фадеев В., Шульпин П., Парусов А. Очерки истории Горьковской организации КПСС. Ч. I. 1891–1918. Горький, 1961. С. 343–345.

³ Так, в одном из местных изданий советского периода отмечалось, что в некоторых более крупных рабочих районах «большевики-подпольщики исчислялись единицами», а на всю Нижегородскую губ. их насчитывалось не более 300 человек. Организации действовали разрозненно, поскольку руководящий партийный центр в Нижнем Новгороде в декабре 1916 г. почти в полном составе был арестован (Фадеев В., Шульпин П., Парусов А. Указ. соч. С. 341). См. также: Сапон В.П. Опыт развития многопартийности в Нижегородской губернии в годы Первой мировой войны (дофевральский период). Н. Новгород, 2014.

⁴ См., например: Платонов О.А. Покушение на русское царство. М., 2004; Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 г. СПб., 2005; Куликов С.В. Центральный военно-промышленный комитет накануне и в ходе Февральской

меньше в этом плане повезло провинции — в частности Нижегородской губ., где исследование сюжетов такого рода только начинается⁵. Из-за этого до сих пор открытыми остаются многие вопросы — например, о том, как нижегородские умеренные и левые либералы готовили общество к революции, то содействуя, то противодействуя друг другу, в различных организациях и на страницах местной печати.

О том, насколько энергичной была партийная активность нижегородского отделения Партии народной свободы (ПНС), судить трудно. Представитель нижегородских кадетов Е.М. Ещин принимал участие в работе партийной конференции в июне 1915 г. и в VI съезде партии в феврале 1916 г.⁶ Однако в областном совещании ПНС, проходившем 20–21 октября 1915 г. в редакции самарской газеты «Волжский День», где присутствовали делегаты из Самары, Оренбурга, Симбирской, Саратовской, Уфимской губерний, по сведениям начальника Самарского жандармского управления, «Нижний Новгород от участия отказался без всяких мотивов»⁷.

Нижегородские кадеты и прогрессисты, при общем критическом отношении к монархии, далеко не всегда находили между собой общий язык. Это ярко проявилось уже осенью 1915 г., в ходе формирования Нижегородского областного военно-промышленного комитета (НВПК). Участие в этой организации открывало широкий доступ к выполнению военных заказов (и к соответствующему государственному финансированию). В силу этого возникли противоречия между крупными промышленниками и предпринимателями, лидером которых являлся Д.В. Сироткин, занимавший ряд высоких постов в общественных и предпринимательских организациях Нижнего Новгорода и бывший одним из лидеров российского старообрядческого движения⁸, с одной стороны, и представителями средней и мелкой промышленности, а также земской интеллигенцией кадетского толка — с другой. Война предоставила Сироткину, который прежде «слыл лишь хорошим и ловким дельцом, не забывающим своё личное я и составившим из ничего довольно

революции 1917 года // Российская история. 2012. № 1. С. 69–90; *Мультатули П.В.* Кругом измена, трусость и обман: Подлинная история отречения Николая II. М., 2013.

⁵ См., например: *Селезнев Ф.А.* Выборы и выбор провинции: партия кадетов в Нижегородском крае (1905–1917 гг.). Н. Новгород, 2001. С. 134–137; *Сапон В.П.* «Нижегородский листок» в 1916 г. — рупор кадетской оппозиции // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе. Сборник статей участников XIV региональной научно-практической конференции (1 декабря 2016 г.). Вып. XIII. Арзамас, 2017. С. 93–98; *Сапон В.П.* Нижегородские либералы и «прогрессисты» о роли Государственной думы и Прогрессивного блока в 1916 году // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XVI Международной научной конференции. Ч. 2. Иваново, 2017. С. 429–434.

⁶ См.: Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 3. Кн. 1. 1915–1917 гг. М., 2000. С. 87, 268. Так, в частности, по предложению Ещина съезд рассмотрел вопрос «о подтверждении воззвания ЦК от 22 июля 1914 г.». Нижегородский делегат настаивал, что «воззвание — раз это есть воззвание, а не что-либо иное — должно быть кратко, сильно, должно вселять бодрость и укреплять волю к победе, призывать население к помощи армии и организации тыла; оно также должно быть изложено понятным для населения языком» (Там же. С. 342). Активность нижегородского делегата на съезде была отмечена: он вошёл в состав ЦК ПНС (Там же. С. 304.).

⁷ *Семёнова Е.Ю.* Социально-экономические и общественно-политические условия жизни горожан Поволжья в Первую мировую войну (1914 — начало 1918 гг.): Сборник документов и материалов. Самара, 2011. С. 311.

⁸ Подробнее см.: *Селезнев Ф.А.* Д.В. Сироткин и Всероссийские съезды старообрядцев в начале XX века // Отечественная история. 2005. № 5. С. 78–90.

солидное состояние»⁹, широкие возможности для обогащения и упрочения своего положения.

Уже на первое организационное собрание НВПК 25 сентября 1915 г., созванное по инициативе Нижегородского биржевого ВПК (также возглавляемого Сироткиным), пригласили лишь представителей 5–6 предприятий, за которыми стоял крупный региональный капитал. Против подобной дискриминации выступил целый ряд местных организаций (Губернский земский комитет по снабжению армии, Нижегородский губернский комитет Всероссийского земского союза, Нижегородский отдел Совета съездов представителей мелкой и средней промышленности и торговли, Нижегородский ярмарочный ВПК, Нижегородский союз учреждений мелкого кредита, Губернский кооперативный комитет, Губернская земская управа¹⁰). «Антикупеческую» оппозицию возглавили представители либеральных кругов, в частности, видные нижегородские кадеты (Г.Р. Килевейн, А.С. Салазкин, Ф.А. Ермолаев), беспартийные до поры до времени либералы (А.А. Остафьев, П.А. Демидов) и умеренные социалисты (в частности, В.М. Владиславлев). Конфликт дошёл даже до председателя Центрального ВПК А.И. Гучкова, который «обещал уладить дело и уговорил депутацию не обращаться к министру внутренних дел, под тем предлогом, что представители промышленности скомпрометируют себя, как не умеющие сорганизоваться самостоятельно без руководства администрации»¹¹. Тем самым он объективно поддержал «сироткинцев».

На выборах в НВПК 21 октября 1915 г. председателем стал Сироткин, его заместителем — Н.М. Башкиров, товарищами председателя — И.Н. Кемарский, З.М. Таланцев и Н.И. Волков. Таким образом, руководство в новой структуре довольно бесцеремонными методами захватили влиятельные «купцы», которые в экономической деятельности проявляли незаурядную предприимчивость, а в политике — довольно умеренную «прогрессивность» и оппозиционность¹². Общественности оставалось лишь заявить очередной протест¹³. В декабре 1915 г. начальник Нижегородского жандармского управления (НГЖУ) рапортовал директору Департамента полиции МВД, что «Сироткин не только игнорирует [общественные] организации, но тормозит дело по снабжению армии, передавая таковое исключительно в руки крупных капиталистов, своих сторонников, и главную часть берёт в те организации, где он заинтересован лично»¹⁴. Можно констатировать, что в процессе формирования НВПК лидеры крупной торгово-промышленной буржуазии сумели оттеснить от рычагов распределения государственного финансирования представителей среднего и мелкого капитала. В политико-идеологическом отношении это означало

⁹ Центральный архив Нижегородской области (далее — ЦА НО), ф. 918, оп. 1, д. 980, л. 37.

¹⁰ Там же, л. 46 об.—47.

¹¹ Там же, л. 48.

¹² Так, Башкиров и Волков входили в состав Нижегородского губернского комитета Умеренно-прогрессивной партии, созданной в 1905 г. московскими предпринимателями-старообрядцами во главе с Рябушинским. Кемарский тогда же состоял членом Нижегородского бюро Союза 17 октября, а на выборах в IV Государственную думу баллотировался как «беспартийный прогрессист». Сироткин «на выборах в Гос. Думу выступал как октябрист, а при Столыпине высказывался как и националист». «Определённой политической физиономии у него, в самом деле, как будто нет», — заклеил его по этому поводу журналист. См.: *Перо*. Случайные заметки // Нижегородский листок (далее — НЛ). 1916. 3 июля. № 179. С. 3.

¹³ Подробнее см.: *Сапон В.П.* Опыт развития многопартийности в Нижегородской губернии в годы Первой мировой войны (дофевральский период). Н. Новгород, 2014. С. 80–84.

¹⁴ ЦА НО, ф. 918, оп. 1, д. 980, л. 48.

локальную победу умеренных элементов над леволиберальными. Однако баталии между ними на этом не завершились, продолжившись на страницах газет — и в этом случае финансовое превосходство прогрессистов уже не имело решающего значения.

Одной из особенностей политического процесса в поздней Российской империи было то, что официальная пресса почти не пыталась заниматься тем, что позже назовут «политическим пиаром». Инициатива в этой сфере практически полностью находилась в руках оппозиции. Либеральная периодика выходила значительными тиражами, пользовалась спросом у публики и могла оказывать серьёзное, если не решающее воздействие на общественное мнение в губернии. Ведущими изданиями нижегородской легальной оппозиции являлись «Нижегородский листок» и «Голос Волги». Обе газеты различались по характеру своего либерализма. Первую следует назвать кадетским изданием. Будучи ветераном общественной и культурной жизни, эта газета держалась вполне определённой леволиберальной линии, своей стойкостью заслужив уважение даже идеологических оппонентов¹⁵. Вторая же появилась в мае 1916 г. по инициативе и на деньги нижегородских «биржевиков», возглавляемых Сироткиным, и выражала прогрессистские взгляды.

На страницах «Нижегородского листка» постоянно появлялись материалы о партийных мероприятиях общегосударственного масштаба, перепечатки интервью кадетских лидеров (прежде всего П.Н. Милюкова). Например, в одной из публикаций подробно рассказывалось о VI съезде ПНС, который прошёл 18–21 февраля 1916 г. в Петрограде. «Программа съезда была очень широкая, — говорилось в газете. — Ему прежде всего предстояло переизбрать состав центрального комитета, выслушать и утвердить отчёт о деятельности этого комитета за восемь лет, заслушать и обсудить тактический доклад о деятельности партии и её парламентской фракции в прошлом и ближайшем будущем и наметить в основных чертах план финансово-экономических собраний в связи с войной, с её неизбежными последствиями, и высказаться по вопросу об использовании общественных сил в деле обслуживания фронта и упорядочения тыла страны»¹⁶.

Особого внимания газеты был удостоен доклад Милюкова съезду от имени ЦК партии. Говоря о создании Прогрессивного блока, докладчик оценил «образование в Г[осударственной] думе сплочённого большинства с единой программой политических требований... как исключительно важный факт, определяющий собой новый фазис политической истории России», и назвал «сохранение в целостности блока и устранение внутренних трений в нём... одной из задач тактической деятельности к.-д. партии»¹⁷. Газета приводила и мнение «так называемого левого течения партии», которое имело разногласия с большинством во «второстепенной области отдельных тактических шагов». Одобряя оформление Прогрессивного блока, левые призвали не преувеличивать его значения как фактора политической борьбы, указывая «на временность нынешней парламентской комбинации и на необходимость не забывать, что в будущем партии придётся соединяться главным образом с другими политическими течениями»¹⁸. Им казалось, что руководство партии слишком увлеклось

¹⁵ См.: По поводу 40-летнего юбилея «Волгари» // Козьма Минин. 1915. 4 июля. № 23. С. 2–3.

¹⁶ Съезд Партии народной свободы // НЛ. 1916. 25 февраля. № 54. С. 2.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. 26 февраля. № 55. С. 2.

парламентскими формами политической деятельности, не уделяя должного внимания организации широких демократических сил¹⁹.

Сообщалась читателям и «Общая резолюция по поводу тактического доклада Центрального Комитета», в которой формулировались ближайшие задачи ПНС и Прогрессивного блока: «1) необходимо продолжать борьбу с дезорганизующей деятельностью настоящего правительства и с его теперешним составом до достижения поставленной в программе блока цели — создания объединённого правительства из лиц, пользующихся доверием страны и согласившихся с законодательными учреждениями относительно выполнения в ближайший срок определённой программы; 2) необходимо проводить дальнейшие меры к организации обороны и хозяйственной жизни страны, использовать активное сотрудничество всех граждан в этом неотложном для надлежащего успеха войны деле путём усовершенствования форм участия общественных сил в обслуживании армии и тыла и использования наличных организаций для удовлетворения общегосударственных нужд, а также и путём создания для этой цели новых организаций, объединяющих те элементы, которые недостаточно использованы в существующих союзах, и прежде всего кооперативные силы и рабочих; 3) партия и при временной комбинации блока должна неустанно отстаивать интересы демократии и равноправия национальностей и по возможности поддерживать контакт с другими демократическими партиями; 4) выбор средств для достижения намеченных целей должен соотноситься с обстоятельствами военного времени»²⁰.

В центре внимания прессы находились, конечно, актуальные общественно-политические проблемы. Редакция «Голоса Волги» в программной статье с удовлетворением отмечала, что война устранила «те политические разногласия, которые в течение десяти лет парламентского строя России подтачивали её государственный организм», что «оказалось возможным примирить противоположные течения, найти один общий язык, на котором стали говорить представители России, поставившие на этот раз интересы своей родины выше политических доктрин, казавшихся им до того непогрешимыми». Организационным воплощением данной тенденции стал, по мнению «сироткинцев», Прогрессивный блок в Государственной думе — «центробежная сила, которая и вдохновляет Россию, и в которой как в фокусе отражается вся современная русская общественная жизнь». Весьма пафосно редакция сформулировала задачи своего издания: «Все начинания власти, направленные в сторону общенности, имеющие целью вызвать свободное развитие производительных сил страны, будут газетой приветствоваться и рассматриваться как стимул

¹⁹ Представитель нижегородских кадетов Ешин, не относясь к числу критиков Милюкова, тем не менее почувствовал «оттенок самодовольства, отсутствие скромности у автора тезисов». Комментируя оптимистические прогнозы лидера кадетов о перспективах борьбы с министрами, нижегородец отметил: «Кроме тактики партии и блока, есть ещё ряд причин, ведущих к падению правительства, и прежде всего развал и дезорганизация власти на местах и полная неразбериха в экономическо-хозяйственной области. Указания из центра иногда просто не исполняются. Кривошеин издал, например, циркуляр о приостановке землеустроительных работ, а уже после этого циркуляра в Нижегородской губернии из-за производства таких работ было несколько бунтов». «Общественные силы должны учесть все эти обстоятельства, — полагал он, — и на местах создавать организации как для распространения идеи и значения Прогрессивного блока, так и для практической работы по организации тыла» (Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1. С. 268–269).

²⁰ Съезд Партии народной свободы // НЛ. 1916. 26 февраля. № 55. С. 2.

укрепления основы общественного строя. Также будут приветствоваться начинания, откуда бы они ни исходили, направленные в сторону выявления самостоятельности и склоняющиеся к развитию производительных сил страны. Для того чтобы Россия сбросила оковы экономического рабства, ей нужно развитие общественных организаций, широкое, общее и профессиональное образование, развитие профессиональных органов, распространение печатного слова, уравнивание в правах всех национальностей, населяющих Россию и доказавших ей свою преданность. Всё то, что будет стоять на пути развития этих факторов, являющихся рычагами прогресса страны, будет получать со стороны новой газеты самую резкую критику, все явления иного порядка, имеющие целью затормозить движения русской мысли и производительности, будут получать отпор столбцов нашей газеты»²¹.

Редактор «Нижегородского листка» А.А. Дробыш-Дробышевский, публиковавшийся под псевдонимом *Перо*, тут же откликнулся на выход «Голоса Волги». Он весьма язвительно отозвался о косноязычии новой газеты и подверг критическому разбору её политические декларации: «В передовой статье “Наши задачи” прогрессивный блок, – временный парламентский союз партий для достижения нужного стране минимума, – ставится, как средоточие нашей жизни». Прогрессивный блок, по мнению газеты, «та центробежная (?) сила, которая вдохновляет Россию»²². В другой заметке публицист развил свой скептический взгляд на политические возможности коалиции оппозиционных фракций: «Прогрессивный блок имеет значение для утверждения Думы, но в реформах он может дать, кажется, такой минимум, который далеко не удовлетворит потребности населения... Гораздо пригоднее, чем к реформам, прогрессивный блок к отстаиванию минимума тех порядков, которые обеспечивали бы жизнь и в мирное время и оборону во время войны. Обстоятельства выдвинули его не столько для государственного творчества, как для защиты Государственной Думы»²³.

По-разному нижегородскими «биржевиками» и их оппонентами оценивался и преобразовательный потенциал народного представительства. Так, 16 мая 1916 г. «Голос Волги» доброжелательно отмечал открытие Государственной думы и советовал: «Намечая план работ предстоящей сессии, президиум Думы должен обратить самое главное внимание на подготовку работ по заключению международных договоров экономического характера на случай окончания войны, которая не может длиться бесконечно... Так как правительство зачастую медлит с разрешением вопросов, имеющих кардинальное значение, то инициатива в деле подготовки и рассмотрения материалов должна исходить от Государственной Думы, которая теперь же в эту сессию должна была бы избрать целый ряд соответствующих комиссий. На Государственной Думе лежит долг встретить окончание войны и последующие за тем экономические конференции во всеоружии готовых материалов»²⁴. Газета видела в Думе своего рода «коллективного Кузьму Минина», которому по плечу решить многие текущие экономические и политические проблемы, а также подготовить почву для послевоенной эпохи, когда в результате победы России и её

²¹ Наши задачи (от редакции) // Голос Волги (далее – ГВ). 1916. 6 мая. № 1. С. 1–2.

²² *Перо*. Случайные заметки // НЛ. 1916. 7 мая. № 123. С. 3.

²³ Там же. 17 мая. № 133. С. 3.

²⁴ Н.-Новгород, 16 мая // ГВ. 1916. 16 мая. № 11. С. 1.

союзников «создадутся новые соотношения между мировыми экономическими единицами»²⁵.

«Нижегородский листок» отводил современному «парламенту» намного более скромную роль. «Сама по себе Дума существо бессильное, — полагали в газете. — Не она должна диктовать лозунги, а страна. Она должна выражать мнение страны, опираться на страну. И тем более Дума 3-го июня, Дума, заседающая при таких необычайных условиях. Чем больше мы, обыватели (почему теперь, в годину всемирной войны, не сказать “граждане”?), будем требовать от Думы, чем больше мы признаем её своей, тем больше она нам даст. Дума не может висеть в воздухе. И именно потому, что она Дума 3-го июня, что она выбрана не всем народом, а только частью его, она особенно нуждается в опоре». Отношение к Думе было снисходительно-покровительственное: «Какая бы Дума ни была самая что ни на есть третьеиюньская, она единственное организационное начало имперского общественного мнения. Её надо не только “беречь”, а “питать”. Помочь же ей можно только связывая большую политику с малой, только противопоставляя организованному центру организации на периферии»²⁶. Открытие думской сессии в мае 1916 г. было встречено газетой без особого энтузиазма: «Как бы ни была несовершенна настоящая Дума, это всё-таки отдушина, сквозь которую прорывается общественное мнение». Скептическое настроение вызывалось сомнением в том, что «народное представительство» сможет стать чем-то большим, чем «отдушина», заняться эффективной преобразовательной деятельностью: «Прежде говорили: “сначала успокоение, потом реформы”, теперь говорят: “сначала война, потом реформы”. Реформы всегда у нас потом. И к этому, конечно, отрицательно относится прогрессивная печать. Но вопрос в том, какие реформы может провести теперешняя Дума. Хотя реформы у нас весьма желательны, трудно ожидать, чтобы они могли быть проведены хорошо при данном положении»²⁷.

«Голос Волги» систематически выступал как рупор крупного российского торгово-промышленного капитала, претендующего на определённое политическое влияние, стремящегося к модернизации народнохозяйственного механизма и решительной экспансии на внешние рынки. «Промышленный класс выделяет из своей среды с каждым годом всё большее и большее количество людей образованных, которые начинают рассматривать промышленность не только под углом зрения классовых интересов, но придавая ей характер крупного государственного дела»²⁸. Наша промышленность достигает громадных оборотов, которые в особенности начали расти за последние три года до войны, промышленность покрыла Россию целой сетью фабрик и заводов, но хотелось бы, чтобы представители этой промышленности напрягли все усилия

²⁵ См.: Там же; *Musca*. Народный трибун // ГВ. 1916. 9 мая. № 4. С. 3.

²⁶ *Философов Д.* Политика большая и малая (Петроградские письма) // НЛ. 1916. 19 февраля. № 49. С. 2.

²⁷ *Перо*. Случайные заметки // НЛ. 1916. 17 мая. № 133. С. 3.

²⁸ В одной из публикаций эти промышленники-государственники называются поимённо. «На сцену русской жизни выступили из торгово-промышленной среды люди широкого кругозора, большого масштаба, как Бугров, Морозовы, Рябушинские, Коновалов, Четвериков и другие, вышли они из семей старого закала. Из самых глубин русской почвы выросли эти первые деятели будущей русской промышленности и торговли» (*Кириллов И.* Накануне // ГВ. 1916. 6 мая. № 1. С. 2). Автор выступал против «аномалии» в общественном мнении, которое незаслуженно возвышало «интеллигентные профессии», в то время как именно «витязи русской промышленности и торговли» являлись подлинными создателями.

и поставили бы её на должную высоту». Автор, впрочем, обозначил и целый ряд факторов, препятствовавших развитию производства: большое количество праздничных дней, устаревание оборудования, неудовлетворительное состояние профессионального образования, завышенные ставки вознаграждения представителей фабрично-заводских администраций, недостаточная протяжённость железнодорожного и шоссейного сообщений, далёкая от совершенства законодательная база. Следствием этого была «высокая себестоимость наших изделий», являвшаяся «главным тормозом в деле развития нашей промышленности и использования иностранных рынков»²⁹.

Газета защищала «промышленный класс» от обвинений в безудержном стремлении к наживе: «Нашей целью должно быть поставлено создание национальной промышленности. Мы должны примириться с тем, что рост промышленности будет происходить за счёт частных капиталов, что не все плоды такого роста будут поступать в пользу общества, а та или иная часть их останется в руках предпринимателей, — это неизбежное зло, это неустранимый результат экономического процесса, не зависящего от роли отдельных лиц. При настоящих условиях накопление национального богатства иным путём совершаться не может». В своём послы автор решил опереться на авторитет... Карла Маркса, который, по его мнению, «отметил глубокий неустранимый трагизм капитализма: промышленность в современном капиталистическом строе обслуживает общественные потребности, но двигателем её являются личные интересы отдельных капиталистов»³⁰.

Эти декларации не остались без ответа. «Ну, до плодов ли нам, потребителям, довольно с нас того, если нас не обдерут на пользу промышленности, как липку», — комментировал Дробыш-Дробышевский данное высказывание «человека, пишущего “от Маркса” в защиту наших торговопромышленников». Далее он вступал в воображаемый диалог с коллегой: «Это потребительская точка зрения, — презрительно говорит, желая смутить нас, публицист новой газеты г. Н. Кор-н. Да, конечно, потребительская, а не предпринимательская, но ведь и мы, потребители, — Россия. Россия тоже! — возражает г. Н. Кор-н, а не понимаете того, что должны дорого платить для создания национальной промышленности. Да, не понимаем, потому что ведь давно наша промышленность ограждена очень высокими пошлинами от заграницы, а наши промышленники и их идеологи “от Маркса”, как г. Н. Кор-н, всё требуют от нас новых жертв. Только Маркс, кажется, совсем тут не причём, он вовсе не был защитником покровительственной системы и на национальную точку зрения никогда не становился. Так что его имя г. Кор-н поминает совсем всеу»³¹.

Впрочем, у кадетов и прогрессистов находились и точки соприкосновения. Например, явное и устойчивое англофильство. Так, 17 мая 1916 г. на страницах «Голоса Волги» вышла статья «Англичане и мы», полная дифирамбов в адрес союзника. При этом главным поводом для славословий явилось предвкушение экономических выгод для русской торговли и промышленности от политического сближения двух стран. По мнению автора, «Англия сама заговорила о необходимости для России проливов; таким образом, для будущей русской промышленности раскрываются совершенно новые, неведомые горизонты. Трудно даже просто перечислить те благие последствия, которые вытекут из

²⁹ *Новый С.* Нужды промышленности // ГВ. 1916. 8 мая. № 3. С. 1.

³⁰ *Кор-н Н.* Русская пресса и русская промышленность // Там же. 10 мая. № 5. С. 2.

³¹ *Перо.* Случайные заметки // НЛ. 1916. 11 мая. № 127. С. 3.

экономического общения России и Англии. Первая полна ещё неразработанных богатств, ещё не покрыта достаточно густой сетью железных дорог, и вторая... придёт к ней на помощь своими неисчислимыми денежными средствами. Обмен между Россией и Англией будет основан не на желании тянуть сок, не на желании превратить контрагента в дойную корову, что проделывала много лет Германия, скрывая свои жадные инстинкты под личиной традиционной дружбы, вперемешку с грозным бряцанием оружия». В превосходных тонах подавалась речь английского посла Дж. Бьюкенена на приёме в Московской городской думе в мае 1916 г.: «Это не официальная “дипломатическая” речь, это даже не речь посла великой державы, это речь англичанина, искренно любившего Россию, её народ, и тронутого единодушным сердечным приёмом». Автор не скупился на патетику: «Надо почаще нам (купцам и промышленникам обеих стран. — В.С.) видаться друг с другом и тогда начавшееся сближение незаметно перейдёт в тесную взаимную дружбу и даже более — в любовь. В русской и английской душевности что-то бесконечно близкое, что делает возможным то самое высшее из человеческих чувств»³².

Несколько спокойнее симпатии к британцам выражали в «Нижегородском листке». Поводом стало, например, судебное дело молодой преступницы, отравившей мужа своей сестры: «Наши присяжные оправдали Грызлову, но в Англии закон в душах людей непреклонен: смерть за смерть, — и “последняя из д’Обервилей” приговаривается к казни... В английском понятии о непреклонности закона есть своё обаяние, создавшее английскую свободу, но “по человечеству” симпатичнее русские и французские присяжные, отступающие от закона, вникая в душу подсудимого. И англичане, конечно, понимают душу, но закон прежде всего»³³.

Ещё одним объединяющим началом для прогрессистской и кадетской оппозиции являлась устойчивая неприязнь к монархии. На практике это выражалось в последовательной дискредитации самодержавия — как правило, под видом критики правительства и его представителей на местах³⁴ или разоблачения окружавших его «тёмных сил»³⁵. Публицисты обвиняли «правлящие сферы» в том, что те всё делают для урезания «земского союзного движения», а предстоящую реформу волостного самоуправления готовят для «обуздания самостоятельности и ущемления творческой инициативы» оно, что они не в состоянии разработать соответствующее современным требованиям акционерное и кооперативное законодательство, не умеют правильно организовать «железнодорожное дело» ни в военное, ни в мирное время³⁶.

³² *Веди*. Англичане и мы // ГВ. 1916. 17 мая. № 12. С. 1.

³³ *Перо*. Случайные заметки // НЛ. 1916. 15 мая. № 131. С. 3

³⁴ Например, в мае 1916 г. в «Нижегородском листке» была опубликована заметка о срыве в с. Ичалки Лукояновского уезда мероприятия, посвящённого чествованию памяти Козьмы Минина. Учительница пригласила местных крестьян на «чтения о Минине с туманными картинами», однако не смогла предъявить уряднику официального разрешения. В итоге мероприятие было запрещено. Читателям предлагался общеполитический вывод: «Урядник действовал, конечно, вполне правильно, ибо известно, что у нас всё, специально не разрешённое, следует считать запрещённым» (Несостоявшееся чествование Минина // Там же. 13 мая. № 129. С. 2).

³⁵ См.: *Перо*. Случайные заметки // Там же. 2 июля. № 178. С. 3; Н. Новгород, 3 июня // ГВ. 1916. 3 июня. № 28. С. 1.

³⁶ В.Ч. Отклики. Борьба трёх // НЛ. 1916. 12 июля. № 188. С. 2; Н.-Новгород, 22 мая // ГВ. 1916. 22 мая. № 17. С. 1; Н.-Новгород, 23 мая // Там же. 23 мая. № 18. С. 1; Н.-Новгород, 27 мая // Там же. 27 мая. № 22. С. 1.

По мнению как умеренных, так и леволиберальных оппозиционеров, единственной альтернативой беспомощной и архаичной власти могли стать организации типа Центрального военно-промышленного комитета (ЦВПК), Всероссийских земского и городского союзов. Нижегородская пресса уверяла, что эти энергичные «общественные силы» внесли громадный вклад в процесс мобилизации промышленности и поставили дело снабжения армии так хорошо, что это признали даже военные авторитеты³⁷. Фактически Земгор и ЦВПК, существуя на казённые средства, всячески стремились при этом дискредитировать правящий режим и перехватить у него власть³⁸. В этих структурах складывалось своеобразное «второе правительство», и им важно было сохранить в качестве опорных пунктов оппозиции местные отделения. Поэтому кадеты и прогрессисты с удивительной солидарностью защищали структуры «творческой инициативы» от «травли» со стороны правительства и консервативных сил³⁹ — иногда даже забывая, кто «главный в доме». Так, одна из публикаций гласила: «Травля, поднятая представителями правых кругов и рептилиями... сгустила атмосферу настолько, что правительство, продолжающее чутко прислушиваться к голосам из чёрного стана, поставило себя в положение явной оппозиции по отношению к [военно-промышленным] комитетам»⁴⁰!

В июле «Нижегородский листок» опубликовал в выдержках отчёт Милюкова о совещании его «политических единомышленников» с левыми депутатами французского парламента⁴¹. Лидер кадетов подверг сомнению тезис о тесной связи «победы и реакции», ссылаясь, в частности, на консолидацию российского общества во время текущей войны и «настроение Государственной Думы в связи с громадными задачами момента». Подчеркнув, что большинство французских депутатов выслушало его с интересом и сочувствием, Милюков заключал, что «наша беседа не есть простой обмен сведений с исключительной целью информации. Казалось, что эта встреча есть некоторый взаимный поступок, который будет иметь жизненные последствия»⁴². Эти слова звучали как выражение надежды на плодотворное межпарламентское сотрудничество, но в них можно было усмотреть и завуалированный сигнал «политическим единомышленникам», что западные радикальные круги окажут им всяческое содействие в реализации «широких, исторических перспектив».

Постепенно оппозиционная активность на местах усиливалась. Осенью 1916 г. нижегородские земские и промышленно-деловые круги — уже не только на губернском, но и на уездном уровне — стали демонстрировать строптивость и политические амбиции. Они ставили вопрос «о необходимости существования объединённых общественных Всероссийских организаций и по

³⁷ См.: Н.-Новгород, 27 мая // ГВ. 1916. 27 мая. № 22. С. 1; Н. Новгород, 3 июня // Там же. 3 июня. № 28. С. 1.

³⁸ Подробнее см.: Куликов С.В. Указ. соч.

³⁹ См., например: Судьба военно-промышленных комитетов // НЛ. 1916. 4 мая. № 120. С. 3; *Перо*. Случайные заметки // Там же. 2 июля. № 178. С. 3; Москва, 1 июля // Там же; *X.Y.Z.* На лету // Там же. 5 июля. № 181. С. 2–3; *В.Ч.* Отклики. Борьба трёх // Там же. 12 июля. № 188. С. 2.

⁴⁰ Н.-Новгород, 3 июня // ГВ. 1916. 3 июня. № 28. С. 1.

⁴¹ Милюков входил в состав делегации членов Государственного совета и Государственной думы, которые в период с 16 апреля по 19 июня 1916 г. побывали в Швеции, Норвегии, Англии, Франции и Италии. По словам кадетского лидера, «политическое лицо делегации» представляли он и его товарищ по партии А.И. Шингарёв. См.: Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 419.

⁴² Среди газет и журналов // НЛ. 1916. 15 июля. № 191. С. 2.

окончании войны»⁴³. В начале ноября на совещании Горбатовской земской управы с участием депутата Государственной думы М.А. Мосеева в отнюдь не лояльном тоне обсуждался предложенный «в срочном порядке» проект положения о волостном земском управлении. «Останавливаясь на общих основаниях проекта министра внутренних дел, — говорилось в газетном отчёте, — совещание нашло, что означенные основания в значительной части расходятся с принципами истинного самоуправления и не отвечают настоятельным потребностям в самоуправлении деревни»⁴⁴. 26 ноября Сироткин принял участие в расширенном совещании Главного комитета Всероссийского союза городов. Официально оно было созвано для обсуждения продовольственного вопроса, однако не обошлось без политических деклараций. Так, заместитель главноуполномоченного Союза кадет Н.М. Кишкин фактически призвал «объединённые общественные силы» взять в свои руки не только продовольственное обеспечение населения, но и «всю борьбу с дезорганизацией тыла». Он также предложил от имени «всей городской России» публично поддержать Государственную думу в этой борьбе⁴⁵. 12 декабря участники чрезвычайного собрания Нижегородской городской думы, прошедшего под руководством Сироткина, утвердили текст телеграммы, отправленной председателю Союза городов М.В. Челнокову (копии — лидерам Земского союза Г.Е. Львову и П.П. Рябушинскому): «Только призывом к власти и управлению людей, облечённых доверием думы, как выразительницы истинных чаяний и настроений родины, может быть устранена внутренняя разруха и достигнута победа над врагом»⁴⁶.

4 января 1917 г. экстренное собрание губернского союза мелкого кредита приняло по инициативе доктора В.Б. Либина резолюцию, в которой «с болью сердца и тревогой» отмечалась «растущая продовольственная разруха, происходящая от бессистемных мероприятий власти, безответственной пред народными представителями и не пользующейся доверием страны». Участники собрания пожелали Государственной думе в лице её председателя М.В. Родзянко «успеха в её борьбе за спасение родины от врагов и от тёмных сил, за ответственное правительство и неотложное объединение всех общественных сил сверху донизу»⁴⁷. Между тем ещё летом это кредитное товарищество демонстрировало в отношении властей надлежащее почтение. В частности, его члены телеграфировали в Ставку верховного главнокомандующего: «Повергая к стопам Вашего императорского величества наши верноподданнические чувства... мы, кооператоры — люди земли, — не можем не засвидетельствовать своей духовной связи с нашими братьями, и, мысленно находясь в рядах их, здесь, на местах, отдаём наши силы доблестным героям на снабжение всем необходимым для победы над врагом и, разделяя с ними труды и радости ратного дела, шлём им душевный привет и полную уверенность в успехах нашего оружия. Ура Верховному Руководителю и героям!»⁴⁸. Прошло всего полгода, но как изменилась общественная атмосфера!

⁴³ О волостном земстве // Там же. 7 ноября. № 306. С. 3; Очерк деятельности Нижегородского Городского Комитета Всероссийского Союза Городов. Вып. 1. Н. Новгород, 1917. С. 3.

⁴⁴ О волостном земстве // НЛ. 1916. 7 ноября. № 306. С. 3.

⁴⁵ Москва, 26 ноября // Там же. 27 ноября. № 326. С. 3.

⁴⁶ Протоколы заседаний Нижегородской городской думы. 1916 г. Н. Новгород, 1916. Ст. 49, 50.

⁴⁷ ЦА НО, ф. 2, оп. 1, д. 2449, л. 2.

⁴⁸ См.: Местная хроника // НЛ. 1916. 3 июля. № 179. С. 2.

Ещё одним катализатором радикальных процессов в воюющей стране стала Государственная дума. Поначалу нижегородские кадеты ничего особого не ждали от её ноябрьской сессии 1916 г. «Вчера открылась Государственная Дума. Недавно на [неё] возлагались большие надежды, да и теперь, она, конечно, является некоторой искрой света во тьме нашей жизни. К сожалению, приходится констатировать большое ослабление надежды на неё. Конечно, не вообще на Думу, потому, что переустройство нашей родины должно выйти из неё, но по отношению к данному документу⁴⁹. Это разочарование не в Думе, а в возможности для неё что-либо сделать при данных обстоятельствах». Правда, высказывалось пожелание, что «Дума не ограничится только рассмотрением маленьких дел, оставляя в тумане большее»⁵⁰. Однако 1 ноября с думской трибуны выступили представители либерально-оппозиционных и умеренно-социалистических фракций, которые в той или иной форме выразили правительству вотум недоверия. Уже на следующий день после громкого выступления П.Н. Милюкова «Нижегородский листок» опубликовал заметку на эту тему, назвав его «прекрасную речь» «самым ярким моментом» заседания: «Оратор очертил внешнее и внутреннее положение страны, говорил о главе правительства, причём цитировал отзывы о нём германской печати, и закончил указанием, что единственным выходом из тупика является проведение в жизнь программы прогрессивного блока»⁵¹. Через несколько дней тот же печатный орган информировал читателей о том, что «в Думе чувствуется разрежение атмосферы... Часть министров высказывается за удовлетворение хотя бы части требований, высказанных в сенсационной речи Милюкова»⁵². Здесь же приводились сведения о неких угрозах, которые сгущаются вокруг фигуры лидера кадетов, что, несомненно, также укрепляло его имидж борца с «тёмными силами».

Речь Милюкова (и других «пламенных ораторов», Н.С. Чхеидзе и А.Ф. Керенского) активно обсуждалась в Нижнем Новгороде. В частности, как докладывал 30 ноября балахнинский уездный исправник нижегородскому губернатору, в открытом разговоре с членами правления Сормовского общества трезвости профессор Московского сельскохозяйственного института М.И. Назаревский (читавший в то время лекции) комментируя её, высказал мысль, что «немецкая придворная партия состоит из бывшего председателя Совета министров Штюмерера, Протопопова, епископа Питирима, Распутина и секретаря Манусевича-Мануйлова, и дирижёр этой партии её императорское величество императрица Александра Фёдоровна, и что Протопопов, за содействие к заключению Россией сепаратного мира с Германией и Австрией, получил три миллиона рублей»⁵³.

Ещё одним поводом для выражения солидарности и сплочения рядов оппозиционных групп стал скандал, разгоревшийся в Думе 22 ноября, когда правый депутат Н.Е. Марков 2-й выступил с возражениями против нападок на власть и с опровержениями речи Милюкова и Пуришкевича. НВПК, «возмущённый гнусным поступком представителя тёмных сил», в телеграмме за подписью Сироткина на имя Родзянко выразил крайнее негодование по поводу нанесённого председателю Государственной думы оскорбления, а также «своё сочувствие

⁴⁹ Вероятно, имеется в виду декларация Прогрессивного блока.

⁵⁰ *Перо*. Случайные заметки // НЛ. 1916. 2 ноября. № 301. С. 2.

⁵¹ Государственная дума (Впечатления) // Там же. № 300. С. 3.

⁵² Правительство и Государственная Дума // Там же. 6 ноября. № 305. С. 1.

⁵³ ЦА НО, ф. 2, оп. 7, д. 589, л. 120–120 об.

и горячее пожелание бодрости и сил в борьбе за укрепление конституционного строя в России»⁵⁴. С «сироткинцами», несмотря на распри местного масштаба, единым строем выступили и левые либералы, в частности, руководство Нижегородского союза учреждений мелкого кредита, которым «глубокоуважаемый Михаил Владимирович» в ответной телеграмме принёс сердечную благодарность⁵⁵. «Может быть, даже это был умысел не одного Маркова 2-го, — размышлял Дробыш-Дробышевский. — Так думать, по крайней мере, можно, судя по очевидной преднамеренности и беспочвенности произведённого им скандала. Конечно, если был тут расчёт, то плохой, так как грубость оскорбления вызвала всюду величайшее негодование, даже поколебались и некоторые из врагов. Если Марков 2-ой желал кому-то оказать эту услугу, то услуга вышла медвежьей»⁵⁶. Не остались в стороне даже местные старообрядцы. Белокриницкий епископ Нижегородский и Костромской Иннокентий (Усов) в телеграмме от имени своей паствы выразил возмущение и сочувствие, высказав в то же время изумление и смущение по поводу желания Родзянко вызвать оскорбителя на поединок⁵⁷.

23 ноября «Нижегородский листок» опубликовал фрагменты очередного выступления Милюкова в Думе: «Страна находилась в апатии, но Дума пустила электрическую искру, дала луч света, показала стране, где опасность, — и затеплилась надежда». Далее приводились требования Прогрессивного блока: «Правительство, говорит Милюков, согласно работать с Думой, но ограничивает эту работу только законодательной деятельностью, а программа блока требует согласования правительственной деятельности с думской и в области управления... Милюков указывает: правительство само сознаёт, что деятельность его не согласована и не соответствует требованиям действительности. Необходима сильная, твёрдая власть, необходима немедленно коренная реформа системы управления... Таким образом, настоящее правительство, заканчивает оратор, не может разрешить ни одного вопроса, поставленного великой войной. Единственный исход — добиться правительства, заслуживающего доверия страны»⁵⁸.

Декларации партийного лидера дружно подхватывались кадетскими печатными органами в провинции. Так, в статье «На Новый год» партия конституционных демократов изображалась чуть ли не ключевым субъектом политики. В 1915 г., напомнил автор статьи, когда «при страшном свете войны выступили ярко недостатки нашего внутреннего устройства», ПНС инициировала «блок нескольких партий для проведения необходимых реформ и прежде всего министерства общественного доверия». А в 1916 г., «когда была собрана Дума, в исторических заседаниях 1—3 ноября были произнесены знаменитые речи, резко обрисовавшие нашу государственную разруху». Благодаря усилиям думской оппозиции «Штюмеру пришлось уйти в отставку под гнётом общественного негодования, а на его место был назначен Трепов, но он не мог составить кабинета из лиц, которые могли бы работать с Думой. Дума была распущена, а распад власти продолжался дальше, причём наша внутренняя разруха завершилась громким скандалом, за которым последовал уход в отставку большинства членов кабинета»⁵⁹. Завершалась статья то ли предсказанием, то

⁵⁴ Местная хроника // НЛ. 1916. 25 ноября. № 324. С. 2.

⁵⁵ Местная хроника // Там же. 30 ноября. № 329. С. 2.

⁵⁶ *Перо*. Случайные заметки // Там же. 25 ноября. № 324. С. 3.

⁵⁷ Местная хроника // Там же. 29 ноября. № 328. С. 2.

⁵⁸ Государственная Дума // Там же. 23 ноября. № 322. С. 3.

⁵⁹ На Новый год // Там же. 1917. 1 января. № 1. С. 2.

ли изложением плана практических действий для посвящённых: «Замечается большой подъём общественности... Можно подумать, что мы стоим на пороге обновления нашей государственной жизни. Конечно, это не сделается сразу и возможно, что в будущем ещё ждёт нас много испытаний. “Дело веков поправлять нелегко”, и то, что долго существовало, продолжает держаться и тогда, когда в нём уже нет внутренних сил для жизни». Либералы, таким образом, имели вполне легальные возможности не только передавать партийные установки из организационного центра на места, но и знакомить широкие слои общества с ключевыми элементами своей политической платформы. И пользовались этим преимуществом в полной мере.

Интенсивная идеологическая «артподготовка», наряду с объективными проблемами военной эпохи, не могла не оказать серьёзного влияния на массовые настроения и представления о правящей элите. Так, в декабре 1916 г. на Кулебакских заводах циркулировали слухи о том, что вскоре предстоит забастовка сормовичей с требованием, инициированным думской оппозицией — заменить царский Совет министров «ответственным правительством». Полковник И.П. Мазурин в докладе Департаменту полиции МВД 11 декабря 1916 г. откровенно признавал, что «вообще настроение заводских рабочих сильно повышено в связи с газетной агитацией и продолжающейся продовольственной неурядицей, почему выступления вполне вероятны не только в Кулебаках, но и в Сормове, при возникновении осложнений в Москве»⁶⁰.

Взрывоопасная психологическая атмосфера царила не только среди рабочих. Как доносил в начале декабря ардаатовский уездный исправник начальнику НГЖУ, до него дошёл невероятный слух — солдат одной из частей гарнизона в магазине на Большой Покровской улице рассказал публике, что «им ротный командир объявил, что в Петрограде совершается что-то важное, что будто Государь даже арестован»⁶¹. О тревожных настроениях в деревне свидетельствовали письма нижегородцев, попадавшие в поле зрения военной цензуры. Например, 14 ноября через почтовое отделение Панино русскому военнопленному А.В. Кряжеву была отправлена посылка с письмом. Автор письма (видимо, отец) сетовал на то, что скоро на воинскую службу будут брать стариков от 55 лет и старше, «останутся у нас одни малы дети да женщины, да немощные старики». В этом же письме передаются пугающие слухи: «По волостям навозили пулемётов и, похоже, что это припасли для нас: у нас хлеба не будет, нас с пулемётов и накормят»⁶².

В целом, оппозиция разных социальных и идеологических оттенков сделала очень многое для того, чтобы сформировать в российском обществе критическое или даже революционное мироощущение. В то же время, сложно приписать массовые антиправительственные настроения исключительно успеху её агитации. Трагедия заключалась в том, что сама обстановка войны, в ходе которой элиты Российской империи демонстрировали свою неэффективность (или, по крайней мере, многим так казалось), высекала искры крамолы в беспокойном народном сознании.

⁶⁰ Революционное движение в Нижнем Новгороде и Нижегородской губернии (1907 — февраль 1917 гг.). Горький, 1971. С. 287.

⁶¹ ЦА НО, ф. 918, оп. 8, д. 568, л. 281; см. также: л. 288.

⁶² Там же, ф. 2, оп. 1, д. 2633, л. 108. См. также: *Архангельский С.И.* Крестьянство и крестьянское движение в Нижегородском крае в период 1906–1917 гг. // Нижегородский край. Ч. 3. Н. Новгород, 1926. С. 98.